

О. А. Светлакова*

МОНТЕСКЬЕ И ИСПАНИЯ**

Статья посвящена испанской теме у Монтескье, ее роли и функции в его историософских размышлениях; затрагиваются вопросы источников его знаний об Испании, его роли в формировании «черной легенды» и противоречивость разработки им испанской темы. С другой стороны, в статье дается краткий очерк восприятия Монтескье в испанской культуре XVIII–XX вв.

Ключевые слова: Монтескье, компаративные исследования, история Испании, «черная легенда».

O. Svetlakova
MONTESQUIEU AND SPAIN

This paper seeks to explore the function of the theme of Spain in Montesquieu's works and its role in his philosophy of history. It considers Montesquieu's sources and the controversial nature of his image of Spain that contributed to the Black Legend of Spain in Europe. On the other hand, the article provides an overview of Montesquieu's reception in XVIII–XIX-th century Spain.

Keywords: Montesquieu, comparative literature, history of Spain, the Black Legend.

Н. Массон де Морвийе в 1782 г. патетически спрашивал в статье «Испания», написанной им для «Методологической Энциклопедии» [15, р. 79–106], сделала ли Испания что-либо для Европы, что стоило бы упоминания. Уже тогда провокативно-презрительный тон Просвещения по отношению к политически униженной и экономически разрушенной Испании, исторически недавно, при Филиппе II, обладавшей едва ли не самой сильной в Европе

* Светлакова Ольга Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; nerdanel63@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность»

армией, опирался на двухвековую традицию. Термин «черная легенда об Испании», введен, по-видимому, только в начале XX в. и обычно связывается с именем Хулиана Худериаса, но сама «черная легенда», хотя и без названия, бытовала задолго до того, подогреваемая религиозной бескомпромиссностью, экономическим соперничеством и не в последнюю очередь воинственным культурным самоопределением европейских народов в начале Нового времени. Общим тезисом ее, как известно, является обвинение Испании в зверствах Инквизиции, догматичной нетерпимости мышления, бездеятельности и лени, к чему прибавляется заявление о безграмотности населения, общей отсталости страны и религиозном мракобесии, что бы под ним ни имелось в виду; в целом обвинение сводится к тому, что Испания, как умеет, чинит Европе препятствия на пути прогресса. «Черная легенда об Испании», это весьма значительное явление в европейской истории идей, обширно и глубоко изучается в трудах Сверкера Арнольдссона (Sverker Arnoldsson), Джозефа Переса (Joseph Pérez), Уильяма С. Молтби (William Maltby), Рикардо Гарсии Карселя (R. García Carcel) — если назвать только крупнейшие имена XX в.

Испанское Просвещение, несомненно, существует; попытки объявить его бледным и несамостоятельным отражением французского вряд ли выдержат проверку фактами культурной истории — XVIII в. в Испании глубоко оригинален и столь же много значит в ее истории, как и более литературно яркий период ренессанса и барокко. Но правда и то, что, в отличие от французского просвещенческого процесса, испанский не мог непосредственно опереться на развитое «третье сословие», чья несостоятельность в Испании XVIII в. росла из неотменяемых, мощных и многочисленных факторов — от конфигурации морского побережья полуострова, не способствующей большой морской торговле, до реконксты, благоприятствовавшей скорее городу как военному укреплению, чем городу как центру обмена. Клерикальный и университетский ученый слой культуры; аристократия, в т. ч. флотская и армейская, искренне желающая полезных для Испании реформ; прогрессивно настроенные буржуа при всей своей социальной слабости, те, кто торговал и производил — все они стояли перед неразрешимой задачей одновременно, как скажут позднее, «снести Пиренеи» — и остаться Испанией. Никто не был готов оплатить модернизацию страны ее же национальной спецификой, стать Европой, перестав быть собою. Католическая окраска патриотизма, пропитавшая за десять веков все клетки культурного организма, виделась из-за рубежей Испании «мракобесием» и «ретроградством», но не могла быть ни изъята, как отдельный элемент целого, ни «выправлена», как болезненное отступление от нормы, потому что сложилась к обсуждаемому времени как этико-историческая норма и умерла бы лишь вместе со всем организмом. Ни Экономические (Патриотические) общества, ни сильнейшие университетские умы, ни великие просветители в Испании не доходили в своих рационалистических и материалистических сомнениях до алтарей римско-католической веры, на которых в VI в., на Толедском соборе, когда-то впервые обрела себя испанская государственность. Либерально-буржуазные ценности должны были гармонизироваться с патриотическими, но никто, исключая, не без оговорок, Ховельяноса и Кампоманеса, не был способен зайти так далеко, чтобы по-настоящему вырваться из зачарованного

круга католического менталитета. Разностадийность и глубина национального своеобразия культурно-исторического процесса в разных странах превратила мощное воздействие французского Просвещения на испанскую почву в драматическое столкновение людей и идей, по сути родственных.

Особый интерес в феномене «черной легенды» представляет общая атмосфера кажущейся пренебрежительной незаинтересованности в Испании и испанских делах, которая царит в Европе за Пиренеями, а с другой стороны — нервное и противоречивое отношение испанских интеллектуалов к тотально влияющей на их умственную жизнь французской культуре. Эта атмосфера, разумеется, сложнее, чем просто однотонная взаимная вражда. На фоне откровенной и воинственной дискредитации Испании за ее рубежами, которой внутри страны противостоит столь же однотонная враждебность «почвенников» (если позволить себе грубую русскую аналогию), различимы активность немногочисленных французских или английских испанофилов и созидательная работа просветительски настроенных испанских реформаторов, в т. ч. близких к власти [4–6]. С другой стороны, «афрансесадос», т. е. «офранцузенные» внутри Испании (которые соответствовали бы русским «западникам»), были порой куда строже к собственному наследию, чем даже самые холодные и презрительные иностранные идеологи. «Если когда-либо один народ создавал для другого цивилизацию, то это случай Франции, которая дала современной Испании всё: все духовные идеи, все социально-политические институты», — писал в 1844 г. Фермин-Гонсало Морон [27, р. 925] (цитируется в переводе автора статьи) — испанский политик, юрист, одаренный писатель и литературный критик, переводчик Шатобриана и Байрона, читатель Вольтера и Монтескье, автор шеститомной «Истории испанской цивилизации», весьма образованный человек из сугубо кастильской, богатой и культурной семьи и лишь в самой умеренной степени либерал. Морон — несомненно, один из светочей испанской культуры середины XIX в., прекрасно знакомый с творчеством Веласкеса, Сервантеса, Лопе, Кальдерона — убежденно заявляет, что в историческом унижении, пережитом Испанией после падения династии католических королей, ей

среди постыдной, бедственной публичной жизни только и осталось, что утешать себя поэзией — поэзией Кальдерона и Лопе, а также той, другой, народной поэзией, изгнанной на городские задворки, к обнищавшим идальго и выпивохам в тавернах, поэзией, чьи чистые ручьи, однако, и сейчас порой выются по далеким горным ущельям [27, р. 926].

Перед нами сформированная, устойчивая, так или иначе вошедшая во все слои испанской культуры позиция, цивилизационно-культурная самооценка, которая является частью вековой дискуссии, в наши дни отнюдь не завершившейся, а скорее обострившейся, как может убедиться каждый, взглянув на испанскую и латиноамериканскую публицистику последних десятилетий. Здесь важнее не столько самый факт усмотрения испанской просвещенческой культуры как зависимой от Франции и лишенной самостоятельного содержания — он хорошо известен, сколько прочность и распространенность этого резко упрощенного воззрения (не только у Монтескье или Вольтера [2, с. 400–404],

но и в гораздо более поздних исследованиях, например, у Г. Гюббара в конце XIX в. [3, с. 58] или академика М. П. Алексеева в середине XX в. [1, с. 87]).

Отдельный — и до сих пор острый — вопрос представляет собой центральный тезис «черной легенды»: оценка деятельности Инквизиции в позднем XVIII и первой трети XIX в. Никак нельзя отрицать активного присутствия и большой роли в идеологической испанской жизни этого средневекового учреждения, однако лишь во второй половине XX в. были беспристрастно проанализированы архивы и выработан трезвый научный дискурс. Предварительный вывод Марселена Дефурно, одного из крупнейших исследователей этого периода, подробно рассмотревшего судьбы французских книг в Испании второй половины XVIII в. и опубликовавшего в цитируемой ниже книге полный список запрещенных Инквизицией книг между 1747 и 1807 гг., проникнут духом взвешенной умеренности:

Нет, объективно Испания второй половины XVIII века вовсе не была отрезана от европейской культуры, факты свидетельствуют об обратном; но именно так виделось дело тем, кто жил внутри страны и был подавлен самим наличием контроля и барьеров, создававших в их воображении «интеллектуальную тюрьму». Их громкий протест против такого контроля, исторически вполне понятный и оправданный, стал, однако, в начале следующего века аргументом в пользу «черной легенды», жертвой которой Испания стала в дальнейшем [13, p. 131].

Утверждения следующего поколения историков Франции и Испании в конце XX и начале XXI в. повторяют вывод Дюфурно уже как общее место; лишенное тонкости анализа замечательного французского испаниста, оно порой выглядит несколько противоречиво и туманно:

Цензура была весьма рьяной, особенно по отношению к французским книгам, и тем не менее проявляла терпимость, особенно к практически полезной литературе, даже если та противоречила традиционной системе ценностей... испанские деятели Просвещения широко читали Монтескье, Вольтера, Дидро и Руссо, в основном по-французски, но также в начинавшихся распространяться переводах [16, p. 579].

На деле сложный процесс реальной культурной жизни второй половины века мог одновременно включать легальный, одобряемый цензурой перевод «Элементов музыки» Даламбера, «Логики» Пор-Рояля, Бюффона, Кондильяка и Фенелона, чтение многочисленных экземпляров французских философских текстов, в т. ч. абсолютно запрещенных «Персидских писем», и подспудные переводы их на испанский, готовые тексты которых сразу увидели свет, как только в очередной раз ослабла цензура в связи с политическими изменениями, а именно в 1820-х. Ведь во второй половине XVIII в. Инквизиция была под контролем государства, а в экономике наблюдались положительные сдвиги, частично компенсировавшие потери, понесенные в «войне за испанское наследство»: восстановление сельскохозяйственной активности и мануфактурного производства, обновление колониальной торговли, рациональное упорядочивание централизованной административной системы абсолютизмом, освоение внутренних территорий. Все это требовало технического оснащения

и, следовательно, развития информационного обмена с опережающими в развитии производства территориями Европы.

Некоторые документально засвидетельствованные факты дают понять, как именно в реальной жизни испанской культуры этого времени могли сосуществовать, казалось бы, взаимоисключающие тенденции. Так, архивные документы Инквизиции за 1785 г. дают следующие сведения: капеллан фрегата «Сан Мигель» Фрай Бернардо Клементе де ла Сала, вступив в острый конфликт с уполномоченным Инквизиции, яростно возражал против изъятия у него французских книг, среди которых было и несколько книг Монтескье. Закаленный морем капеллан, предъявив имевшееся у него, как и у большинства образованных клириков, разрешение папы читать любые книги из «Индекса», кроме Маккиавелли и астрологов, назвал в пылу полемики притязания собрата из инквизиции лишить его книг «благоглупостью» (*frailadas*), а саму Инквизицию — «жупелом для дураков» (*soso*). Несомненно, именно поэтому книги у него конфисковали; в том же году судья из Роты (Кадис), по-видимому, более дипломатичный, получил разрешение иметь полное собрание Монтескье и читать его сколько угодно.

Крупное и хорошо освещенное столкновение испанской и французской просвещенческих позиций — это полемика 70–80-х гг. об общей оценке и месте Испании в Европе. Непосредственными источниками дискуссии были сочинения Монтескье, прежде всего 78-е письмо из «Персидских писем», и Вольтера («Опыт о духе и нравах народов», 1751; «Век Людовика XIV», 1751), детонатором же послужило процитированное выше резкое высказывание Массона де Морвилье. Дискуссия и вошла в историю как «дело Массона», но не удовлетворилась возражениями ему непосредственно, хотя одно только возмущенное опровержение процитированного выше его тезиса (почти дословно схожего с чаадаевским), по подсчетам исследователей, породило более 100 сочинений; в дискуссии участвовали с испанской стороны такие значимые фигуры, как Каванильяс, Семпере, Понс, Капмани, Форнер, Хосе Кадальсо с его «Защита испанской нации или замечания о 78-м Персидском письме, которое написал Президент Монтескье в оскорбление религии, доблести, науки и благородства испанцев» (1772) и Ховельянос. По-русски данная проблематика подробно освещена Е. Юрчик [5, с. 10–22].

Так или иначе, культурное взаимодействие с французской литературой и философией претерпело в Испании социальное расслоение, связанное со знанием иностранных языков и экономической свободой, а также некоторую ретардацию и неравномерность становления.

Разумеется, «черная легенда об Испании» не восходит целиком ни к каким, даже самым авторитетным высказываниям и является слишком обширным и сложным феноменом, чтобы ставить ее в центр небольшого исследования в жанре статьи. Но именно это интересное и далеко не полностью освоенное на русской почве явление европейской истории может содержательно осветить в первом приближении тему «Монтескье и Испания», удерживая ее цельность. Очевидно, что в вопросе различимы две стороны: Монтескье в его отношении к Испании и история проникновения текстов самого Монтескье в круг чтения испанских интеллектуалов.

Монтескье был одним из первых авторов общеевропейского значения, сформировавших прогрессистски-просветительскую позицию в отношении места Испании в общей картине исторического движения, скоро принятую во всем европейском либерализме; в сущности, его можно назвать одним из основоположников «черной легенды», давшим впоследствии авторитетное теоретическое основание тем многообразным проявлениям испанофобии в Европе раннего Нового времени, которые поддерживались уже отнюдь не бескорыстным философским созерцанием, а жесткими экономическими, политическими и идеологическими интересами. Монтескье, много путешествовавший по Европе (Англии, Голландии, Германии, Венгрии, Италии), никогда не побывал в Испании. Тем интереснее, что эта страна занимает так много места в его размышлениях, особенно в 20-е гг. — от юношеских «Персидских писем» 21-го года до «Размышлений о богатствах Испании» («*Considérations sur les richesses de l'Espagne*») 1727 г., а также и в дальнейшем; т. е. Испания как тема появляется в размышлениях Монтескье начиная с самых ранних его печатных работ и проходит почти через все творчество. Источником знаний Монтескье об Испании Пьер Баррьер называет, помимо некоторых прочих, «герцога Бервика, его сына герцога де Лириа, кавалера Тарукка, Альберона, испанского полковника, чье имя осталось неизвестным, апокрифические сочинения об Испании, подписанные М. де Самегой (Zamega) [9, р. 299]. Как бы то ни было, связи культурно весьма «офранцузенной» Испании с Францией в эпоху, когда на испанском престоле пребывали Бурбоны, были очень многочисленны и многообразны — от политических до сугубо бытовых, включая, разумеется, интеллектуальную сферу, искусство, литературу. Показательно, однако, что испанское искусство у Монтескье не упоминается практически никогда.

Аллюзии и замечания на испанскую тему рассеяны не только по «Персидским письмам» и «Духу законов» (1748), но и «Заметкам о путешествиях», «Мыслях», «Сборнике» и пр. В 1724-м Испания становится главным объектом внимания Монтескье в «Размышлении о финансовом положении Испании» («О главной причине падения Испании» в первоначальном варианте заглавия) или местом действия философской повести «История одного острова» (*Histoire d'une Ile*). Пьер Баррьер остроумно замечает, что именно испанский материал обычно служит Монтескье для примеров своекорыстия и бесчестия, когда философ размышляет о «Государе» Маккиавелли [9, р. 299].

Остро антииспанским духом отличается у Монтескье и «Трактат о долге» (*Traité general des devoirs*, 1725), где завоевание Америки конкистадорами показано как несовместимое ни с разумом, ни с человечностью. Сама испанская империя планетарного масштаба не может не привлекать историка и философа, наряду с империей римлян, как поучительнейший объект размышлений. Но и в сравнении с Римом, в глазах Монтескье породившим военную и гражданскую доблесть как опору управления, Римом, создавшим республику, — Испания оставалась силой, основанной на принципе стремления к богатству. Для раннего Монтескье именно Испания воплощает хищнический, беспринципный и бесчеловечный дух, но это позиция, имевшая свою эволюцию. Если в знаменитом 78-м письме антииспанское настроение остается именно умо-

настроением, не более, порождая легкость тона и полушутливые заключения, например, о влиянии жаркого климата на искаженное восприятие мужчиной женских прелестей испанок, то в «Духе законов» (XXI, 18) проводится глубочайшее по мысли и абсолютно достоверное противопоставление богатства скверного и случайного, временного — богатству истинному: богатству земли и солнца, которые прочны и всегда дают трудящемуся на них человеку по его потребности. Общеизвестный анализ Монтескье разрушительного воздействия на испанскую экономику серебра Конкисты, точный и научный, повторяемый третий век в школах на уроках истории, обращен здесь к Испании как в частному случаю общей закономерности.

Иначе говоря, Монтескье, конечно, участвует в создании «черной легенды»: это он первым в 1721 г. дал риторически яркую картину, в которой жаркий климат делает испанцев ленивыми, что влечет невежество и неспособность пользоваться собственными природными богатствами, в которой их женщины от природы же некрасивы, врожденная жестокость породила инквизиционные зверства, гордость испанцев необоснованна, их напыщенность смешна, их единственная хорошая книга — «Дон Кихот», и потому именно, что осмеивает всех остальных, “*qui a fait voir le ridicule de tous les autres*” [24, p. 173]). Но Монтескье делает это как литератор-романист, автор «Персидских писем», чье возвышенное раздражение невыносимой медлительностью и грубостью истории, не поспевающей за его пылкими мечтами, которые впоследствии назовутся Просвещением, заставляет его быть грубо и ярко красноречивым; он фактически несправедлив к соседям-испанцам, но ведь у него как автора романа и нет обязательств быть фактически справедливым, достаточно искать правду. Он беспощаден к смехотворной соседской романской культуре, как беспощаден к собственной: парижским дамам и остроусловам, к французскому королю и французской истории. Перед нами не корыстное взращивание черного мифа о соседе, а едкое умоностроение гениального автора. В «Духе законов» же, через четверть века, тот же автор лишь обнаруживает и утверждает найденную им историческую истину. Думается, что создавать вторичную «черную легенду», на этот раз о несправедливом и жестоком испанофобе Монтескье, непродуктивно, тем более что в самой Испании истинные ценители его и читали, и почитали, и переводили.

Космополитичный XVIII в. есть, несомненно, и век всплеска переводов с языка на язык — как факта, как теоретической проблемы, как новации в историко-литературном процессе. Интеллектуалам Испании, которых эта особенность европейской культурной истории затронула особенно глубоко, «переводомания», растущая в их стране с 40-х гг., виделась далеко не только в радужных красках. Хосе Варгас Понсе, один из самых блестящих испанских просветителей, морской офицер, сатирик, поэт, сказал в конце века, что испанцы стали нацией переводчиков: им приходится именно в переводах изучать «политику, философию, искусство, мораль, историю Европы и, к нашему вящему стыду, историю самой Испании» [29, p. 28]. Почти абсолютная культурная зависимость от Франции делала порой неразличимой самые границы перевода и оригинального текста, т. е. не все переводы признавали себя переводами, что не мешало им доминировать в библиотеках и достигнуть к концу века не-

правдоподобного количества и доминирующей пропорции: переводы с французского составляли более половины циркулировавших в Испании текстов (с большим отрывом далее идут переводы с итальянского, латыни, английского и португальского). Половина переводной литературы — богословская, затем, по убывающей, художественная, научно-техническая, историческая [29, р. 29].

Процесс массовой опоры испанской культуры второй половины XVIII в. на перевод кажется пестрым и настолько сокрушительным, что в нем не видно продуктивных тенденций, но это иллюзия. Внутри переводческого дела работали и первые женщины-переводчицы, как Маргарита Хики (Hickey), давшая кастильскую версию «Андромахи» Расина (1789), и ученые клирики, как падре Сцио (Scio), размышлявший в 1790-м, как согласовать абсолютную догматическую буквальность священного текста с его эмоциональной проникновенностью, которую он хотел бы видеть в кастильском переводе, и наследник престола Бурбонов инфант Габриэль, полагавший вместе с эллинистом Антонио Рансем Романильосом, что именно кастильский лучше других новых языков передает тонкие движения мысли греческих авторов; а главное, что внутри этого массового и в чем-то действительно ослабляющего кастильское самосознание потока переводной литературы трудился, например, гений Томаса Ириарте над переводами из Горация и Вергилия, светочи испанской литературы Кададьсо и Ховельянос пытались взяться за перевод «Потерянного рая», и, следовательно, продолжалась закономерная и животворящая работа национальной словесности. Не замедлили появиться и обобщения первых самонаблюдений над переводческим процессом, порой блестящие, как «Искусство перевода» Антонио Капмани (Antonio de Carmanu «Arte de traducir», 1776) и Хосефа Коваррубиаса в предисловии к его переводу «Телемака» Фенелона (1798), а также такие пылкие и умные декларации, как анонимное «Письмо о злоупотреблениях переводами с французского и необходимости переиздать наших лучших кастильских авторов» 1787 г. Поток галлицизмов привел к всплеску лингвистического самосознания и появлению мощной волны пуризма среди кастильского образованного сословия; бытовая и культурная «офранцузенность» имела здоровый противовес в ярких проявлениях сатиры на «афрансесадос» и «петиметров». Тот же французский язык служил посредником для знакомства испанских интеллектуалов с английской политической экономикой, например, с трудами Адама Смита, переведенного в 1794 г., а также с английским просветительским романом: Свифт, Филдинг и пользовавшийся особой популярностью Ричардсон переводились в конце XVIII — начале XIX вв. на испанский с их французских переводов. Беспрецедентный успех Расина и Мольера в переводах, адаптациях и подражаниях на испанской сцене, длившийся весь XVIII в., также нельзя считать лишь феноменом «офранцуживания». В сущности, в Испании шел естественный процесс культурного самопознания внутри истории, в борьбе и противоречиях. Именно поэтому нельзя считать случайностью появление и первого испанского шекспироведения, и первого перевода «Гамлета» не с французского, а с оригинала, в самом конце века (1798).

В целом путь текстов Монтескье в испанскую культуру был тернист и нескор. Он изучается не первое десятилетие, породив такие уже классические

работы, как книги Антонио Элорса [14] и Кармен Иглесиас [20; 21]. Анализ библиографий переводов и распространения книг Монтескье по кастильским библиотекам сделан Лидией Васкес и Исабель Эрреро [19, р. 143–159]. Вот перечень изданий, так или иначе излагающих тексты Монтескье, известных во второй половине века испанской Инквизиции и запрещенных ею [8, р. 373]:

— *De l'esprit et du rapport que les lois doivent avoir avec la constitution de cheque guovernement, les moeurs, le climat*. Genève, 1751. (Запрещено эдиктом 1756 г.).

— *L'esprit de lois quintessencié par une suite de lettres analytiques*, par l'abbé de Bonnaire, 1751. (Эдикт 1762 г.).

— *Le génie de Montesquieu*, por Alexandre Deleyre. Amsterdam, 1762 (антология сокращенных текстов Монтескье, запрещена эдиктом 1779 г.).

— *Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et leur décadence*, 1770. Запрещена в 1781.

— *Lettres persanes*, attribuées à M. de Montesquieu, 1721, Эдикт 1797 г. «Персидские письма» были запрещены даже тем, у кого была лицензия на чтение книг, входивших в Индексы Инквизиции.

Представляется целесообразным, в рамках статьи, остановиться лишь на истории переводов «Духа законов», и не только потому, что это центральный текст Монтескье. «Персидские письма», состоявшие под безусловным запретом, проникали в испанское культурное сознание причудливо. Нет никакого сомнения, что роман был широко известен в Испании с середины века и что сперва он читался по-французски. Так, первая из известных работ Хосе Кададьсо (1768) — «Защита испанского народа от нападков на него Монтескье в 78-м из его “Персидских писем”». Кададьсо же сымитировал и пародировал их в «Марроканских письмах» (1774, опубл. 1793), и лишь много позднее роман Монтескье появился в переводе аббата Марчены в 1818 г. [26].

Радикализм «Духа законов», великого памятника юридической и философской мысли, привел и к раннему интересу к нему, и к тому, что поначалу на испанский переведена была лишь треть текста, после запрета же книги Инквизицией в 1756 г. были вообще остановлены и работа и над переводом, и подготовка к публикации. В таких случаях мы почти всегда наблюдаем в культуре работу компенсаторных и обходных механизмов, так и здесь: в 1787 г. Хосе Гарригой (Garriga) была переведена книга Франсуа Ристо (Risteau), опровергавшая идеи Монтескье и тем самым с ними знакомившая. Первый же полный собственно перевод «Духа законов» был сделан, когда цензура ослабла, в 1820-м, Хуаном Лопесом де Пеньяльвером (скорее всего с использованием итальянского перевода и комментария Антонио Дженовезе).

Так же, когда в 1759 г. попала под инквизиционный запрет «Энциклопедия» Дидро и Даламбера, ее экземпляры тем не менее во множестве легально ввозились в Испанию по требованию научных и культурных сообществ ввиду ее огромной практической ценности. Цензурный запрет на «Размышления о причинах величия и падения римлян» не длился далее 1781 г., когда и был опубликован переведенный за пять лет до того на кастильский язык Мануэлем де Сераутаном (Cerautan, Zeravtán в разных написаниях) текст трактата под названием «*Reflexiones sobre las causas de la grandeza y de la decadencia de los romanos*» [25].

Кроме того, как уже упоминалось, работал и соседний язык-посредник, итальянский: переводы с него на испанский распространяли идеи Монтескье, часто с особенным акцентом на желательности английского политического устройства. В Италии «Дух законов» был переведен, как и в Англии, еще в 1750-м (в Германии в 1953). Большую роль сыграла книга Жуана Баутисты Альмичи «О природе законов» («*Institutiones juris naturae*»), изданная в Брешии в 1768 г. и переведенная в Мадриде в 1789. Принятая как учебник на юридических факультетах, она успешно знакомила юных интеллектуалов Испании с наследием Монтескье еще до переводов Хосе Гарриги.

С 1790-х, в связи с реакцией на разразившуюся во Франции революцию, издание перевода Гарриги не возобновлялось до т. н. «конституционного трехлетия» 1820–1823 гг., когда в печать хлынули давно подготовленные и лишь сдерживаемые цензурой тексты. Мадридский перевод Гарриги 1820 г. вышел под тем же названием, что и перевод Хуана Лопеса Пеньяльвера 1787-го, это важно для различения книг, потому что в том же году и том же городе выходит «свободное переложение» «Духа законов» Монтескье, подписанное «Дон МВМ», которое переиздается через год в Париже, Лондоне и Мадриде в трех томах. Следующий перевод «Духа законов» на испанский был сделан в Мадриде же Нарсисо Бонавентурой Сельвой в 1845-м, на этот раз с комментариями «и прибавлением избранных суждений Дюпена, Кревьера, Вольтера, Мабли и некоторых других», в 1852-м его переиздает Лусиано Перес Асеведо под заголовком «Дух законов. С приложением рассуждения об этом труде Даламбера, а также биографии Монтескье, очерка его трудов, диссертации того же автора о религии римлян и портрета его». Следующий испанский перевод «Духа законов» вышел под редакцией либерального политика и крупного ученого Анхеля Фернандеса де лос Риоса в 1860 г. в Мадриде в серии «Библиотека Универсаль», он носил более строгий характер и долго служил эталоном. Три последующих перевода, сделанных до середины XX в. — профессором права Клементе Фернандесом Элиасом (Мадрид, 1879–1880); политическим изгнанником, республиканцем Николасом Эстебаносом (Париж, ок. 1880); Сиро Гарсий де Масо (Мадрид, 1906) более подробно рассмотрены у Антонио Альвареса де Моралеса [8, р. 371–375]; переводы середины XIX в. входят в прямой контекст работы над «Философией закона» Рамона де Кампоамора (1846), выдающегося государственного и общественного деятеля, философа, драматурга и поэта, одной из крупнейших фигур испанского XIX в.

В настоящее время в Испании ведется работа над полным собранием сочинений французского философа; последняя переводческая работа принадлежит К. Ф. Пиньеде Пересу [23, р. 211–217].

Формы, в которых происходило усвоение идеариума Монтескье в Испании вне прямого чтения в переводах на родной язык, возможно, не менее эффективны и безусловно представляют историко-литературный интерес. Рассмотрим немногие, но выразительные примеры.

Так, обильны отголоски чтения Монтескье и Вольтера в политической испанской трагедии XVIII в., многие тексты которой являются подражаниями и переложениями драм Вольтера и прямыми проводниками того или иного политико-философского просветительского тезиса. В трагедии И. Лопеса де

Айалы, как убедительно показывает Хосеп Сала Вальдаура [28, р. 320–341], превосходство просвещенной монархии, с поклонами в сторону Карла III, доказывается близко к тексту «Духа законов»; в его же трагедии «Габид» необходимость призвать на помощь горцев для решающей битвы комментируется прямым тезисом из «Падения римлян»: “*Infeliz reino / que fía su defensa a extraña mano*” (Несчастлива та страна, что доверяет собственную защиту чужой армии) [28, р. 319]. Можно найти в испанской просвещенческой трагедии прямые отголоски из текстов также Локка, Гоббса, Руссо. Творцы политической трагедии в испанском театре XVIII в., возможно, не были великими поэтами, но несомненно были превосходными интеллектуалами; университетский театр, ученые драматурги — традиция еще неоклассицистическая, уходящая в XVI в.

И последний сюжет, который наглядно связывает историю переводов из Монтескье в Испании, историю их запретов, историю их чтения и усвоения вопреки запретам, а главное, выход этого чтения в большие культурные следствия, связан с жизнью испанского литератора, фигурой не столько великой, сколько очень характерной. Никасио Хосе Альварес де Сьенфуэгос (1764–1809), небогатый кастильский идалго, учился в начале 1780-х юриспруденции в Саламанке, где свел дружбу с Мелендесом Вальдесом, Кинтаной и другими интеллектуалами, входя в группу поэтов неоклассицистического направления. Там читали Локка, французскую литературу, в т. ч. запрещенную — Вольтера, Монтескье, Руссо. Позднее в Мадриде Сьенфуэгос был близок к кругу маркизы Фуэрте-Ихар, образованной поэтессы и автора драм; наряду с Гойей, Менедесом Вальдесом, Кинтаной и Ховельяносом посещал знаменитые литературные вечера герцогини Альбы в ее дворце Пьердаита. Вместе с французским естествоиспытателем и медиком Флорианом Коэтанфао, великим испанским поэтом XVIII в. Мелендесом Вальдесом, а также переводчиком Монтескье на испанский язык Лопесом де Пеньяльвером Сьенфуэгос собирался в 1792 г. выпускать журнал «Эль Академико»; проект журнала, в редакцию которого были готовы войти Пеньяльвер, Диего Клеменсин и Мелендес Вальдес, однако не был одобрен Годоем [18, р. 96]. Небольшая, но очень интересная переписка, которую вел Сьенфуэгос с Флорианом Коэтанфао летом 1791 г., опубликованная в 1999 г. академиком Педро Альваресом де Мирандой [7, р. 177–212], включает несколько упоминаний о Монтескье. Из них следует, что «Дух законов» к этому времени был хорошо обоими изучен и обсужден, и столь же хорошо был известен автор этого поначалу анонимного произведения: Сьенфуэгос прямо называет его имя, упрекая Монтескье в том, что в первой книге трактата выдвинуты неверные посылки («Кто бы мог ожидать такого от Монтескье? В его первой книге все принципы ложны...» — «¿Quién lo creyera de un hombre como Montesquieu? En su libro primero todos los principios son faltos...» [7, р. 181]). Сьенфуэгос упоминает в переписке также книгу «Grandeza de los Romanos», которая есть в его библиотеке; несомненно, имеются в виду «Размышления о причинах величия и падения римлян», и по всей вероятности в испанском переводе [25].

К концу века Сьенфуэгос стал редактором «Гасета де Мадрид», получил должность при дворе, опубликовал сборник поэзии, научный труд о синонимии в кастильском языке, поставил в театре несколько своих трагедий, подражание

английской «готической» драме и стал членом Королевской испанской академии. Во время нашествия Мюрата на Мадрид в 1808 г. он храбро отстаивал право газеты на независимость. Умер от туберкулеза в 45 лет.

Как поэт и драматург Сьенфуэгос скорее идиллист и преромантик, находившийся под сильнейшим влиянием своего гениального друга Мелендеса Вальдеса; идеологически же он являет собой чистый случай деятеля испанского Просвещения с идеями социального равенства, гражданственности, братства, непримиримости к тирании и политической идеей разумной монархии, которая опирается на естественный закон и народную волю. Должно быть, именно поэтому этот литератор-просвещенец, внимательный, критичный и благодарный читатель Монтескье, сегодня вновь привлекает внимание не только исследователей становления романтической драмы, но и философов [10; 11, р. 89–103], и поэтому о Сьенфуэгосе писал крупнейший поэт Испании XX в. Хорхе Гильен [18, р. 12–108]. Именно в судьбе отдельного носителя культуры можно порой видеть то поистине живое взаимодействие национальных элементов одного процесса, которое упраздняет для чистого и гостеприимного ума исследователя черные легенды и делает Монтескье полноценным фактором полноценного испанского Просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. — Л.: Наука, 1985. — С. 5–206.
2. Вольтер. Философские повести / сост. А. Михайлов. — М.: Художественная лит-ра, 1985. — 586 с. 3. Гюббар Г. История современной литературы в Испании. — М., 1892. — 160 с..
4. Юрчик Е. Э. Испанские просветители второй половины XVIII в. об исторических судьбах страны: автореф. канд. дис. — М.: МГУ, 1997. — 23 с. 5. Юрчик Е. Э. Защита испанской нации: Х. Кададьсо против Ш. Монтескье // Вестник МГУ. — Сер. 8: История. — 1995. — № 6. — С. 10–22.
6. Юрчик Е. Э. «Черная легенда» в испанской просветительской литературе // Электронный научно-образовательный журнал История. — 2011. — № 8. — URL: <http://www.history.jes.su>
7. Alvarez de Miranda P. Unas cartas desconocidas entre Nicasio Álvarez de Cienfuegos y el misterio Florián Coetanfao // Dieciocho: Hispanic enlightenment. — 1999. — Т. 22. — N2. — P. 177–212.
8. Alvarez de Morales A. Nota sulla fortuna di Montesquieu della Spagna «D'Ancien Régime» // Il pensiero político. Rivista di Storia delle Idee politiche e sociali (Firenze). — 1992. — P. 371–375.
9. Barrière P. Montesquieu et l'Espagne // Bulletin Hispanique. — 1947. — Т. 49, N3–4. — P. 299–310.
10. Busaall J. — B. Le spectre du jacobinism. L'expérience constitutionnelle française et le premiere libéralisme espagnol. — Madrid: Casa de Velazquez, 2012. — 464 p.
11. Busquets L. Cienfuegos philosophe // Estudios Dieciochistas. Homenaje al profesor José Miguel Caso González. Oviedo: Instituto Feijoo de Estudios del siglo XVIII. — 1995. — P. 89–103.

12. Cadalso J. De. Defensa de la nación española contra la carta persiana LXXVIII de Montesquieu / ed. G. Mercadier. — Toulouse: Université de Toulouse, France-Iberie Recherche. — 1970. — 56 p.
13. Defourneaux M.. L'Inquisition espagnole et les livres français au XVIII siècle. — Paris: PUF, 1963. — 215 p.
14. Elorza A. La ideología liberal en la Ilustración española. — Madrid: Tecnos, 1970. — 309 p.
15. Encyclopédie méthodique / ed. Charles-Joseph Panckoucke, Henri Agasse. — Paris, 1782–1832: t. 1–206. (Испанское издание: España// Encyclopedía metódica dispuesta por orden de materias. Geografía moderna / trad. de Juan Arribas y Soria y Julián de Velasco. — Madrid: Imprenta de Sancha, 1792. — Vol. II. — P. 79–106.
16. Fernández Gómez J. F., Nieto Fernández N. Tendencias de la traducción de obras francesas en el siglo XVIII // Traducción y adaptación cultural: España. — Francia. Oviedo: Universidad de Oviedo, 1991. — P. 579–590.
17. García Garrosa M. J., Lafarga F. La historia de la traducción en España en el siglo XVIII // La traducción en la época Ilustrada (panorámicas de la traducción en el siglo XVIII). — Granada: Comares, 2009. — P. 27–81.
18. Guillén J. Cienfuegos (1925) y otros ineditos (1925–1939). — Valladolid: Universidad de Valladolid, 2005. — 372 p.
19. Herrero I., Vázquez L. Recepción de Montesquieu en España a través de las traducciones // Traducción y adaptación cultural: España — Francia. Oviedo: Universidad de Oviedo, 1991. — P. 143–159.
20. Iglesias M. C. Montesquieu and Spain: Iberian Identity as Seen through the Eyes of a Non-spaniard of the Eighteenth century // Iberian Identity: Essays on the Nature of Identity in Portugal and Spain. — Berkeley: University of California, Institute of International Studies, 1989. — P. 143–155.
21. Iglesias M. C. El pensamiento de Montesquieu // Ciencia y filosofía en el siglo XVIII. — Barcelona: Galaxia Gutemberg, 2005. — T.XI. — 557 p.
22. Mass E. Le développement textuel et les lectures contemporaines des “Lettres persanes” // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. — 1983. — N35. — P. 185–200.
23. Montesquieu Ch. L. Discurso sobre Cicerón / trad. Christian Felipe Pineda Pérez // Praxis Filosófica. Nueva serie. — 2014. — N39. — P. 211–217.
24. Montesquieu Ch. L. Lettres persanes / éd. André Lefèvre. — Paris, 1873. — 205 p.
25. [Montesquieu Ch. L.] Reflexiones sobre las causas de la grandeza de los Romanos y las que dieron motivo a su decadencia. Escrito en francés y traducido al español por D. Manuel de Zervatán Carrasco. — Madrid, 1776.
26. [Montesquieu Ch. L.] Cartas persianas. Trad. del frances al castellano, por J. Marchena. — Nîmes, 1818, in 8-o.
27. Morón F. — G. Mouvement intellectuel de l'Espagne. Situation politique et litteraire // Revue des deux Mondes. — 1844. — T. 6. — P. 920–936.
28. Sala-Valldaura J. M. De amor y política: la tragedia neoclásica española. — Madrid: CSIC Press, 2005. — 551 p.
29. Vargas Ponce, José de. 1793. Declamación contra los abusos introducidos en el castellano. Madrid, Viuda de Ibarra // García Garrosa M. J., Lafarga F. La historia de la traducción en España en el siglo XVIII// La traducción en la época Ilustrada (panorámicas de la traducción en el siglo XVIII). Granada: Comares, 2009. — P. 28.